
ЭТЮДЫ ОБ УЧЁНЫХ

“ТВОИМ Я БУДУ НАВСЕГДА, МЕНЯ РОДИВШАЯ ЭПОХА”
К 100-ЛЕТИЮ С ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛОГИКА, ФИЛОСОФА, СОЦИОЛОГА
А.А. ЗИНОВЬЕВА

© 2022 г. А. А. Гусейнов^{а,*}

^аИнститут философии РАН, Москва, Россия

*E-mail: guseynovck@mail.ru

Поступила в редакцию 12.05.2022 г.

После доработки 12.06.2022 г.

Принята к публикации 11.07.2022 г.

В статье представлены этапы биографии и творчества философа, логика, социолога и писателя Александра Александровича Зиновьева. Автор исходит из того, что интеллектуальные (философские, научные и литературные) занятия Зиновьева были непосредственно связаны с его жизнью, выражали и формировали её основное направление, соответствовавшее этапам истории страны. В биографии Зиновьева выделены отдельные отрезки, уделено внимание его роли в антидогматическом повороте отечественной философии, наметившемся в середине 1950-х годов, его участию в создании социологической теории советского общества и критике реального коммунизма, последовавшему изгнанию из страны, его анализу причин разрушения СССР как государства и социальной системы, судьбы России в условиях перехода процессов социального развития с уровня общества на уровень сверхобщества. Поставлен вопрос о том, насколько корректно характеризовать развитие взглядов Зиновьева как переход от критики коммунизма к его апологии. Рассмотрена его жизненная программа автономного личностного развития, обобщённая им понятием “социального индивидуализма”.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, философия, логика, социальный реализм, коммунизм как утопия, коммунизм как реальность, “я есть суверенное государство”, Московский университет, Институт философии АН СССР.

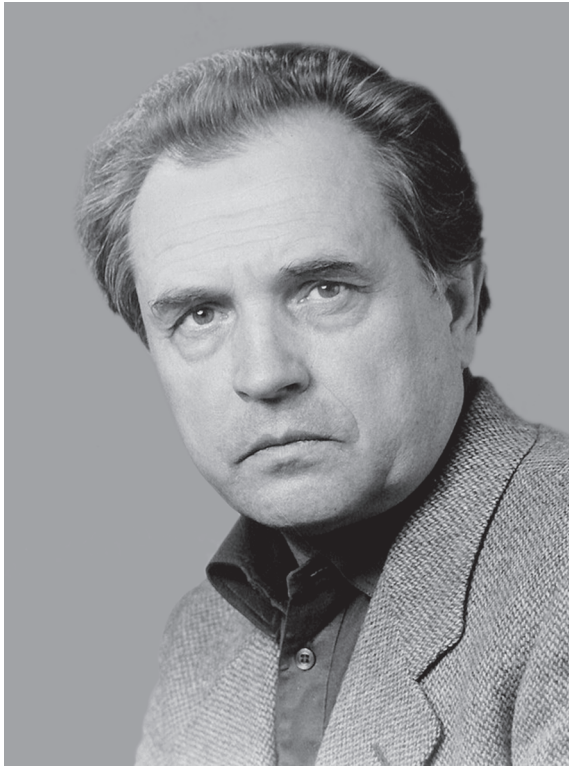
DOI: 10.31857/S086958732210005X

Русский философ, социолог и писатель Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 г., а считанными неделями позднее, 30 декабря того же года на политической карте мира появилось новое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Зиновьев как индивид обрёл в этом новом государстве реальную жизненную основу, предопределившую перипетии его судьбы, сформировавшую его как советского человека. Этнолог и историк Лев Гумилёв объяснял истоки своего православия тем, что является материалистом: родившись в православной среде, он, по его мнению, не мог стать иным. Так и Зиновьеву самым бытием было предначертано стать “русским коммунистом”, как он скажет о себе к концу жизни. Новое государство нашло в Зиновьеве не только одного из безвестных сотен миллионов тружеников, ставших его строи-

телями, но и проницательного исследователя, раскрывшего его действительную социальную природу. Обществам, как и отдельным людям, свойственно ошибаться в суждениях о самих себе. Зиновьев же более чем кто-либо иной приблизился к тому, чтобы дать советскому обществу адекватное знание о самом себе, и в этом качестве он стал его вехой.

В жизни Зиновьева можно выделить ряд относительно самостоятельных этапов (стадий). Они различаются между собой не только внешним рисунком (тем, где находился и чем занимался), фактами биографии, но и эволюцией взглядов, изменением (развитием, расширением, уточнением) их содержания, тематических и ценностных акцентов. “Периоды моей личной жизни в самых существенных чертах совпадали с периодами жизни страны”, — говорит Зиновьев, уточняя: они совпадали не в том смысле, что он шагал в общем строю, а лишь в смысле реакции на них и по-

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — академик РАН, научный руководитель ИФ РАН.

А.А. Зиновьев. Фото 1970-х годов

ведения, изменения “умонастроений и форм борьбы за выживание и сохранение в качестве автономной личности” [1, с. 278].

1922–1939: средняя школа. Первые 17 лет жизни Зиновьева были, видимо, самыми обычными. Он провёл их так же, как и все советские дети, лишь с той особенностью, что принадлежал к их первому поколению, осваивавшему принципы коллективистского воспитания и научного (нерелигиозного) образования. Начальную школу закончил в родной костромской деревне, обнаружив несомненные способности к учёбе и большую тягу к ней, и в 1933 г. семья отправила его учиться в Москву. К этому времени его отец со старшим братом уже обосновались в столице в небольшой комнатухе площадью $2.5 \times 4.5 \text{ м}^2$ полуподвального помещения, куда впоследствии переместилась и остальная часть большой крестьянской семьи (из одиннадцати детей Александр был шестым ребёнком), захваченной волной индустриализации. Бытовые условия, в которых Александр пребывал на протяжении последующих шести лет школьной жизни, с фотографической точностью описаны им в книге “Исповедь отщепенца”. Представить, как можно было жить в таких стеснённых условиях, сегодня уже невозможно. В московской школе он также выделялся быстротой и точностью мышления, в особенности математическими способностями, и

закончил её с золотым аттестатом (как пишет Зиновьев в своей автобиографии, он любил учиться и, будь такая возможность, всю жизнь ходил бы в учениках).

Школа не только обогатила его ум, она придала ему социальную заострённость. Зиновьев с детства обладал деятельной натурой, любил общаться, быть среди людей, в то же время умел постоять за себя. Живость речи и художественное дарование, в частности способность быстро и в неожиданных ракурсах создавать смешные портреты, привлекали к нему окружающих. Московская школа обеспечила благодатную почву для его активной общественной натуры. Как уже упоминалось, Зиновьев принадлежал к первому поколению молодых людей, выросших при советской власти и осознававших себя строителями новой жизни. Они столкнулись с очевидным расхождением между высокими коммунистическими целями и реальностью, которая сложилась в стране на основе и в ходе их воплощения. В чём причина этого противоречия? — вот вопрос, с которым он входил в сознательную жизнь. Ответ на него не мог быть только теоретическим. Речь шла о более важном: как поступать самому? И Зиновьев ответил личным протестом, первым открытым социальным бунтом, которых у него в жизни будет много. Он со своими разделявшими его недовольство товарищами стал обсуждать возможность совершить покушение на Сталина как на человека, искавшего хорошие идеи. Замысел сорвался после спонтанного выступления Зиновьева, тогда уже студента первого курса философского факультета Московского института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского, на партийно-комсомольском собрании с критикой положения в колхозах, из-за которого он оказался на Лубянке.

1940–1946: Отечественная война. Не по доброй воле, а в силу обстоятельств Зиновьев 29 октября 1940 г., ровно в день своего 18-летия, оказался в Красной армии. Воспользовавшись оплошностью следователей, он убежал и год скрывался, вытолкнутый из нормальной жизни; бегство под прикрытие армии стало для него спасением. Если бы, рассуждал впоследствии Зиновьев об этом отрезке своей жизни, у него имелась цель достичь успехов в науке или искусстве, армейские годы следовало бы считать потраченными впустую. Но он не имел такой, да и вообще какой-то определённой цели. Цели складываются в зависимости от места и обстоятельств, могут меняться, они вторичны по отношению к тому, что впоследствии Зиновьев назовёт направлением жизни. А для выработки такого собственного направления, для понимания общества и собственной роли в нём армейский опыт имеет особую ценность. Армейская жизнь строго регламентируется уставом и построена на отношениях начальствования

и подчинения, она в этом отношении может служить моделью советского общества, своеобразной абстракцией коммунальности вообще. И найти, отстоять себя, свою независимость в этих условиях — настоящий личностный вызов.

Четыре года армейской службы Зиновьева выпали на Великую Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков, которая была не просто войной, а войной не на жизнь, а на смерть: она потребовала предельного напряжения сил от всей страны и бесстрашия от каждого воина. Желая уйти в тень, он оказался в самом центре событий, именно там, где делалась история. Зиновьев служил в кавалерии, танковых войсках и закончил войну боевым лётчиком-штурмовиком. Своё участие в войне он рассматривает как продолжение поиска собственного направления жизни. В довольно подробном описании личного военного опыта он практически не интересуется собственно военным аспектом (перечислением фронтов, на которых находился, описанием боёв, в которых участвовал) и т.п. Война его интересует как социальное и человеческое явление.

Размышляя о войне, он задумывается прежде всего над источниками нашей победы и приходит к выводу, что это была победа советского строя: без модернизации, технического перевооружения за предыдущие два десятилетия, без культурной революции и без коммунистической идеологии она была бы невозможна. Как часто говорил Зиновьев, войну с фашизмом выиграли десятиклассники, выпускники советских школ тридцатых годов. Большую роль играл, конечно, традиционный патриотизм народа, но сам по себе он не помешал, например, растерянности, массовому бегству, предательству первых месяцев войны. Надо было осмыслить и организовать патриотический порыв, возвысить его в таких ярких предельных образах, как подвиг Александра Матросова, противопоставить его предателям и трусам, предать последних презрению и расстреливать на месте, надо было связать коммунистические идеи с естественным чувством родины, показать, что «Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве» [1, с. 210]. Словом, мы победили, ибо было за что воевать.

В своих военных воспоминаниях Зиновьев сосредотачивается по преимуществу на будничных, бытовых ситуациях и отношениях людей, его интересует, что и в этих условиях, наряду с проявлениями героизма, также действуют, даже усиливаются мотивы карьеризма, подхалимства, шкурничества, обогащения и другие привычные схемы социального поведения. Война дала новую пищу и направление его социологическим поискам.

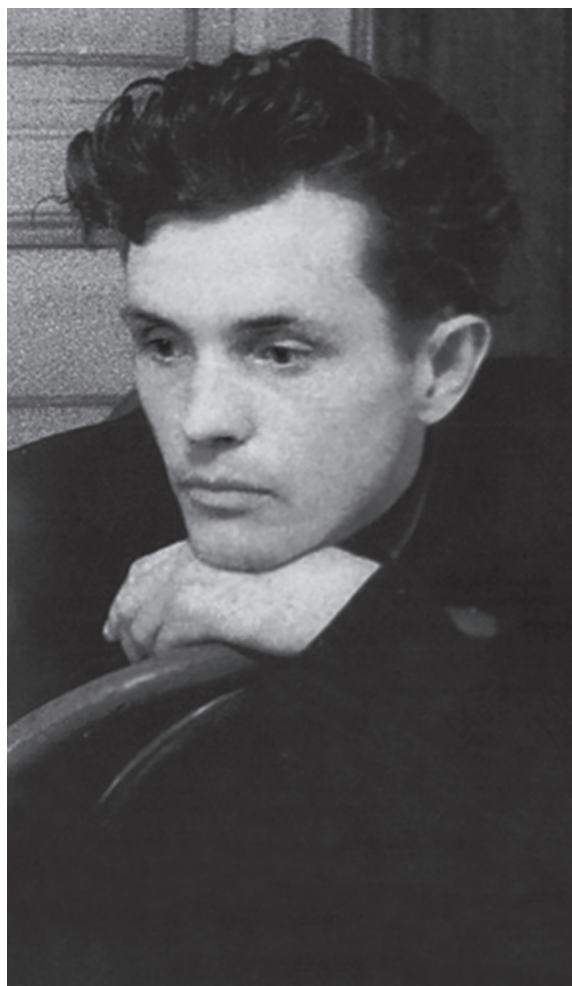
1946–1954: Московский университет. Это были годы студенчества и аспирантуры на философ-

Александр Зиновьев в годы Великой Отечественной войны

ском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Зиновьев со своей непритязательной, живой и деятельной натурой легко вписался в послевоенную атмосферу хаоса с расслабленностью социальных помочей поведения и распушенностью нравов, всеобщим ожиданием настоящей свободной жизни. Ему удалось сочетать учёбу с работой, чтобы не прибегать ни к чьей материальной помощи. А самое главное, атмосфера оказалась благодатной для его размышлений.

Послевоенный хаос во всём, всеобщее ожидание перемен и безудержное пьянство, скрашивающее убожество быта и государственного пресса, развязывали языки и создавали пространство для дружеских компаний, откровенных разговоров, импровизаций, анекдотов, шуток и т.п. Общая атмосфера скрытых надежд, что социализм после того, как он победил в самой страшной войне, наконец-то обнаружит свои преимущества и в мирной жизни, на философском факультете университета привела к недовольству студентов и молодых преподавателей убогим уровнем понимания философии. Толчком стала состоявшаяся на факультете в 1948 г. дискуссия о соотношении формальной и диалектической логики. Зиновьев, будучи студентом третьего курса, оказался в центре

А. Зиновьев

Александр Зиновьев в студенческие годы

начавшегося процесса. Его карикатуры в стенной и университетской газетах, шуточные по форме и разящие по существу определения господствовавших догм сделали его фольклорной фигурой в философской среде (например, мы, поступившие на тот же факультет в 1956 г., наряду с официально заучиваемым ленинским определением материи — “объективная реальность, данная нам в ощущениях”, знали также его зиновьевскую версию, которая дополнялась всего лишь одним словом: “богом”).

Своё отношение к официальной марксистско-ленинской философии Зиновьев формировал одновременно с поиском себя и своего места в жизни; перефразируя строку его любимого поэта Маяковского, можно сказать, что он учил диалектику не только по Гегелю. Уже студентом он начал

вырабатывать свой взгляд на марксистскую философию как светскую идеологию (правда, для идеологии слишком усложнённую и рафинированную), претендующую на научный статус. И занялся той частью философии, которая была дальше всего от идеологических искажений, — логикой (в известном смысле в ней он “скрылся” от философии и впоследствии нередко утверждал, что он логик, а не философ).

Он вступил на собственный исследовательский путь, первым итогом которого стала его кандидатская диссертация “Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)”. Её защита вылилась в шумное событие философской и общекультурной жизни Москвы, проходила в остром противостоянии молодых сторонников Зиновьева с догматически настроенной профессурой факультета. Хотя решение учёного совета было положительным, его утверждение растянулось на годы, а сама диссертация оказалась фактически выведенной из публичного пользования¹. защите диссертации Зиновьева предшествовало бурное обсуждение на факультете тезисов двух молодых преподавателей — Эвальда Ильенкова и Валентина Коровикова о предмете философии², и вместе с ней стало поворотной вехой отечественной философии [3, с. 176–195].

Зиновьев вошёл в философию разработкой научного метода мышления. В своей диссертации он провёл логический анализ диалектического метода как общенаучного подхода к предмету в ситуации, при которой экспериментальное исследование заменяется силой абстракции. Это было именно то, что требуется в первую очередь для познания внутренней противоречивости социальной реальности. Он нашёл научно обоснованный подход к тому, до чего доходил интуитивно. Вот сделанное уже много позднее важное его признание на этот счёт: “Меня всегда поражало то, как же хорошо образованные люди, наблюдавшие грандиозные социальные явления и рас-

¹ Диссертация Зиновьева ходила в копиях, составленных учеником и сторонником Зиновьева, впоследствии известным методологом Г.П. Щедровицким, и впервые в форме монографии была опубликована Институтом философии РАН в 2002 г. в качестве подарка к 80-летию автора и вручена ему на торжественном юбилейном приёме, устроенном ректором МГУ им. М.В. Ломоносова академиком РАН В.А. Садовничим.

² Тезисы назывались “К вопросу о взаимодействии философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического взаимодействия” и были осуждены решением Учёного совета факультета как попытка ревизовать понятие предмета философии. На обсуждении, по воспоминаниям Щедровицкого, выступил также Зиновьев и, обыгрывая знаменитый тезис Маркса, произнёс фразу, которая также стала знаменитой: “Если бы Маркс был жив, он бы к своим одиннадцати тезисам добавил двенадцатый: раньше буржуазные философы объясняли мир, а советские философы и этого не делают” [2, с. 28].

полагавшие огромным фактическим материалом, ухитрялись делать на этой основе мелкие, поверхностные или заумно-бессмысленные выводы. Я самими обстоятельствами моей жизни и моими взаимоотношениями с моим окружением вынуждался на нечто противоположное этому: на большие и бескомпромиссные чёткие обобщения, основанные на наблюдении сравнительно небольшого числа “мелких” явлений. Со временем я открыл для себя, что с социологической точки зрения именно “мелкие” пустяки являются грандиозными основами исторического процесса, а внешне грандиозные явления суть лишь его поверхностная пена. Положения диалектики об отношении сущности и явления, содержания и формы тут, как нигде, оказались кстати” [1, с. 157].

1955–1976: Институт философии. После такой скандальной защиты Зиновьев не мог получить преподавательского места в университете, хотя заслуживал его по всем параметрам, ибо наряду с творческим исследовательским умом он “прирождённый учитель и воспитатель” [4, с. 50], как сказал о нём его ближайший друг и сам талантливый философ Карл Моисеевич Кантор. К тому же Александр Александрович обладал общительной натурой, уникальной способностью мыслить, разговаривая. Ему удалось зацепиться за место научно-технического сотрудника (машинистки-стенографистки) и перейти вскоре на должность младшего научного сотрудника в Институте философии Академии наук СССР, в котором он проработал 21 год и считал время пребывания в этом образцовом советском гадюшнике³ лучшими годами своей жизни.

В институте первые два года он работал над совершенствованием логической формы диалектического метода в том понимании, которое было дано в его кандидатской диссертации, применив его к анализу советского общества. Видимо, намерение состояло также в том, чтобы актуализировать работу для печати. Текст не прошёл “цензуру” сектора диалектического материализма, а автору был дан совет заняться чистой логикой, исходя, видимо, из того общераспространённого соображения, что общество является предметом исторического материализма. Зиновьев последовал этому совету и занялся логикой, но не для того, чтобы замкнуться в её узких рамках и забросить свой интерес к познанию общественных процессов, а, напротив, как оказалось по факту и, видимо, и по замыслу, с иным намерением: раздвинуть возможности логики и приступить к со-

циальным штудиям с более серьёзной методической основательностью. Он поставил задачу реформировать логику, исходя из того, что её следует рассматривать в единстве с проблемами теории познания и онтологии (“Три ветви старой философии — формальная логика, гносеология и онтология — должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях науки” [6, с. 14]). Конкретно это означало расширение её предмета “за счёт логической обработки языковых выражений, фигурирующих в языке опытных наук. В частности, это терминология, относящаяся к пространству, времени, эмпирическим связям, изменениям, детерминизму и индетерминизму и т.д. Такая терминология или совсем не определена, или определяется плохо, она многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы” [7, с. 90].

Свою логику Зиновьев назвал комплексной. Она изложена в его многочисленных монографических трудах 1960-х — начала 1970-х годов, изданных в Москве и за рубежом (преимущественно на английском и немецком языках). Вот некоторые из них: “Философские проблемы многозначной логики” (1960), “Логика высказываний и теория вывода” (1962), “Логическое и физическое следование. Проблемы логики научного познания” (1964), “Логическое следование. Проблемы логики и теории познания” (1968), “Комплексная логика. Неклассическая логика” (1970), “Логическая физика” (1972). Фигура Зиновьева в логике (как, впрочем, и в социологии, которой он займётся вслед за этим, считая логику подготовкой к ней) остаётся спорной, говоря точнее, замалчивается. Вот что об этом сказал его ученик, известный немецкий логик Хорст Вессель, выступая на симпозиуме в честь его 70-летия: “Александр Зиновьев сделал уникальный и неповторимый вклад в развитие науки логики. Его комплексная логика является самой богато разработанной программой логических новаторских исследований. Сегодня наталкивается она на непонимание и препятствование. Думаю, что в ближайшие десятилетия будут делаться многочисленные “открытия” в логике, которые были сделаны Зиновьевым уже в семидесятые годы двадцатого столетия. Этот процесс уже начался, как правило — без ссылок на Зиновьева. Однако историческая справедливость будет восстановлена, и Зиновьев займёт достойное место в истории логики как один из самых значительных логиков двадцатого века” [8, с. 76].

Сформулировав оригинальные логические учения и обнародовав их, создав также свою научную школу, Зиновьев получил признание профессионального сообщества, в том числе международного. Одновременно он достиг потолка формальных ступеней научного карьеры (стал

³ Институт в целом и в лице основных героев стал прообразом почти толстовского (в двух томах и четырёх частях) романа Зиновьева “Жёлтый дом” [5]. В нём на примере жизни одного учреждения (Главного идеологического института) дана по-настоящему эпическая картина коммунизма, каким он реально сложился и существовал в коллективном опыте советского народа.

доктором наук, профессором, заведующим кафедрой), которых можно было достичь в стране в эти годы (по крайней мере, в области философии), не идя на сделки со своей совестью. Словом, Зиновьев стал узнаваемым публичным лицом, позиция которого имела не только личное значение, что всегда было для него первостепенным делом, но и определённый социальный вес. Это открывало перед ним новые возможности и соблазны: ведь теперь он — не частный индивид, который со своими мыслями о покушении на Сталина, дерзкими стихами и карикатурами в стенных газетах мог затеряться в общей людской массе, он стал к середине 1970-х годов такой фигурой, слова и действия которой уже могли получить большой общественный резонанс.

Институт был для Зиновьева не только местом работы. Подобно всем советским трудовым коллективам, он был, как любили тогда говорить, ещё и вторым домом. Здесь складывались дружеские связи, возникало сложное переплетение деловых и личных отношений, разыгрывались статусные игры, карьерные интриги и т.п., словом, разворачивалась полноценная коммунальная жизнь вокруг и внутри самой трудовой деятельности. К середине 1950-х годов основной вектор общественных изменений и политических страстей в стране определяли процессы, получившие название хрущёвской оттепели. Их суть заключалась в раскрепощении личности и общественной жизни от репрессивных тисков и тотального идеологического контроля сталинского режима. Десталинизация началась подспудно уже после победы в войне, но особенно оживлённо после смерти самого вождя. В обществе нарастало стремление расслабиться. Как отмечает Зиновьев, XX съезд КПСС и разоблачение культа личности Сталина были скорее подведением итогов и официальной легитимацией этого стремления, чем его началом и стимулированием. Придя в Институт философии в конце 1954 г., Зиновьев уже застал группу осознанных антисталинистов, фактически боровшихся против лиц и порядков, препятствовавших развитию философии. Зиновьев присоединился к этим людям и настроениям, значительно усилив их, стал одним из источников, одной из центральных фигур либеральных идей и форм общения в своей среде. Его свободолюбивая натура, привычка к коллективистской жизни и любовь к ней в сочетании с живой остроумной речью, дополненные и усиленные неподдельным научным авторитетом, сделали его любимцем института. О нём говорили, его окружала благоприятная аура, он умудрялся публиковать свои научные труды, имел небольшую группу учеников и широкий круг харизматичных друзей, наконец-то наладил свой быт, получив однокомнатную квартиру и хорошо оплачиваемую должность старшего научного сотрудника. В его жизни

произошло ещё одно событие: он женился⁴ на молодой красивой сотруднице института Ольге Со рокиной⁵. Словом, Зиновьев был счастлив или близок к тому.

Увы, обстоятельства — и общая обстановка в стране, и собственное положение в профессиональной философской среде — явились новым вызовом Зиновьеву. Общая обстановка характеризовалась поворотом к брежневизму. Его суть заключалась в том, чтобы остановить инерцию хрущёвского потепления и стабилизировать господствующий режим в подмороженном состоянии, позволяющем ему сохранять управляемость и доказывать свои преимущества в условиях мирного сосуществования социализма с капитализмом. А для этого — подтянуть государственную дисциплину и натянуть идеологические вожжи. Процесс этот начался со смещения Хрущёва, точнее даже с самого Хрущёва, его атак на распоясавшихся художников и литераторов, а его поворотным пунктом стал ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию с целью подавить реформы, получившие название “Пражской весны”. Ситуация в профессиональной среде изменилась таким образом, что либеральные философы-шестидесятники в своей борьбе против догматизма, за творческое развитие философии, имея в виду, разумеется, марксистскую философию, достигли определённых успехов: получили известность, возможности публиковать свои труды, претендовать на руководящие позиции и по-

⁴ Это был его третий брак. Первый оказался эпизодом фронтовой жизни, в нём у него родился сын Валерий (1944). Вторым стал студенческий брак, в котором у него родилась дочь Тамара (1954), он распался через 10 лет (отчасти, как признавал Зиновьев, по его вине). У него с обоими детьми до конца жизни сохранялись близкие, сердечные и заботливые, отношения.

⁵ На этот раз он женился в благостную пору своей трудной жизни, когда, расставшись с прежними брачными узами, лелеял своё одиночество. Как он свидетельствует в “Исповеди отщепенца”, “ложась спать, я повторял многократно слова: “Как хорошо, что я один! Боже, благодарю тебя за то, что я один!” Просыпаясь, я говорил себе те же слова. Я говорил это себе много раз в течение дня. Однако я не устоял, и мы поженились” [1, с. 369]. В новой дружной семье у него родились две дочери: Полина (1971) и Ксения (1990). С новой женой Зиновьев прожил до конца жизни. Она оценила исключительность его ума и характера, масштабность его предназначения, стала его музой как художника и помощницей как писателя. И при этом оказалась хорошей хозяйкой. Она отлично готовила и со вкусом сервировала стол. В дизайне квартир (в частности, тех двух квартир, в которых Зиновьев жил последние шесть лет и я имел счастье бывать, в том числе в профессорском корпусе высотного здания МГУ на Воробьёвых горах) она умела создавать эстетически оформленные автономные пространства, в которых свободно и уютно могли располагаться гости, друзья и близкие семьи, проходить встречи и застолья, приносившие Зиновьеву настоящее наслаждение. Овдовев, Ольга Мироновна Зиновьева сама стала заниматься общественной деятельностью, посвящая свои силы и энергию пропаганде имени гениального мужа [9].

степенно их занимать. Это породило конкуренцию уже среди них.

Положение Зиновьева в изменившихся условиях стало особенно уязвимым. Прежде всего благодаря его очевидным научным успехам в логике, опубликованным книгам и их переводам за рубежом. Кроме того, бытовало мнение, что он ведёт исследования в русле логического позитивизма. Сам же он не хотел развеивать такие представления ясным заявлением, что развивает логику в духе марксистско-ленинской философии, и умудрялся⁶ публиковать свои труды без прикрытия общими фразами и натянутыми цитатами из классиков. Ситуация обострилась в 1974 г. после принятия его в действительные члены Финской академии наук. Скрытая зависть и открытые упрёки единомышленников в том, что он “ради дела” не хочет прикрывать свою научную работу камуфляжем марксистских слов и цитат, поставили Зиновьева перед выбором: идти ли своим путём, лавируя между внешними обстоятельствами до тех пор, пока это возможно, или сдаться им, если обойти их становится невозможным; ведь, в конце концов, как говорит русская пословица, плетью обуха не перешибёшь.

1974–1978: изгнание. Зиновьев пишет, что лучшими моментами его жизни были те, когда он “имел возможность проявить свои личные качества очевидным для окружающих образом” [1, с. 321]. Творить милостыню тайно — не для него. Но как же отнестись к тем, кто мешает ему выделяться, завидует успехам, стремится помешать, подставить подножку и т.п.? Он прекрасно знал, что межличностная конкуренция служит цементирующей основой социальности, закономерным выражением общественной природы человека. И никогда враждебным действиям по отношению к себе он не придавал личного характера, за исключением, разумеется, уличных или подобных хулиганских выходов, на которые он мог дать и давал мгновенный и вполне персональный отпор в лучших русских традициях. Например, Зиновьев никогда не отвечал своим газетным и прочим критикам и злопыхателям, хотя, насколько могу судить по личному опыту общения с ним, знал об их существовании. У него по факту жизненного опыта и в качестве осознанной позиции выработался определённый стиль, даже, можно сказать, алгоритм поведения по отношению к своим врагам: “Презирай врагов своих. Делай

вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их — они недостойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их — этого они тем более недостойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами?! А гнильные бактерии и черви?” [1, с. 346]. Это этическое обобщение, сопоставимое по своему значению с евангельской заповедью, аллюзией на которую оно является, получает продолжение в желании изобразить врагов в неприукрашенном виде, отобразив в социологическом зеркале, а тем самым одним ударом дать “им” всем в морду.

Такой удар Зиновьев решил нанести, приступив в 1974 г. к написанию книги о социальной природе советского общества, что всегда было его сокровенным желанием и осознанной целью. Всё складывалось благоприятно для того, чтобы создать свою книгу с большой буквы, исследовав в ней советскую коммунистическую систему. К этому времени он выполнил свою логическую программу и овладел научным методом, необходимым для такого исследования. В этом смысле он не менял предмет научных занятий, а продолжал их. Кроме того, накопленный жизненный опыт провёл его через все круги социального ада и обогатил таким богатством противоречивых наблюдений, которые требовали выхода. Ещё один важный момент состоял в следующем: реальное коммунистическое общество к этому времени прошло пору юности и достигло зрелого состояния (его и стали называть развитым социализмом), раскрыло все свои потенции. И, как он считал тогда, оно пришло на века.

Суммируя состояние предмета, который ему предстояло исследовать, и свои возможности осуществить такое исследование, Зиновьев решил написать книгу в свободной литературной форме. Реальная картина коммунизма должна была быть не только объективной, но ещё и живой, узнаваемой. Так появились “Зияющие высоты” [10], первая книга (роман) в жанре социологического реализма. Для советского общества, изображённого в этой книге, она стала его первым объективным “рентгеновским” снимком, а для автора — силой, поднявшей его на вершину всемирной славы.

Но первым её следствием для Зиновьева явилось то, что она обрекла его на изгнание. Он писал свою книгу тайно, опасаясь бдительных “друзей”, быстро, чтобы окружающие не успели догадаться, а настроенные агенты КГБ — помешать. Погрузился в работу самозабвенно, размышляя только о ней, придумав особую архитектуру книги, позволяющую создавать её самостоятельными частями и легко прятать написанное. В начале 1975 г. книга была готова и через

⁶ Именно “умудрялся”: свою книгу “Философские проблемы многозначной логики” он представил для обсуждения в Институте философии, снабдив цитатами классиков марксизма и марксистских авторов, а, получив необходимые разрешения и уловив благоприятный момент, по пути в издательство подменил текстом той же книги, но уже без этих цитат [1, с. 306]. Кстати, такого рода трюки были вполне типичны для нравов и общей атмосферы того времени.

иностранных друзей переправлена за границу, нашла там своего издателя⁷. Можно представить, чем был для Зиновьева и его жены, поддерживавшей его и активно вовлечённой в эти события, год ожидания выхода книги в свет. Зиновьев понимал, что своей книгой, представляющей собой для реального коммунизма бомбу, подобно той, какой стал “Капитал” Маркса для капитализма, он вступает в прямую схватку с системой, переходит на ты с историей, а намерением опубликовать её на Западе рискует собой и благополучием семьи. Сложность состояла в том, что он, с одной стороны, достиг пика в том направлении и понимании жизни, к которым стремился, а, с другой, обрекал себя на глубокое человеческое одиночество. Издать такую книгу, да на буржуазном Западе означало быть исторгнутым из общества — отправленным в лагерь или высланным из страны. Именно таким окажется выбор, который встанет перед ним через три года.

В 1976 г., когда в Швейцарии уже началась работа над изданием романа, никто, кроме посвящённых, об этом не знал, внешне всё оставалось спокойно. Зиновьев готовился к первому советско-финскому симпозиуму по логике в Хельсинки, на который должна была отправиться большая советская делегация. Накануне отъезда он узнаёт, что ему одному из всех, именно ему, известному логике и члену Финской академии наук, не дают разрешения. Ему и раньше отказывали в заграничных научных поездках, но этот отказ стал демонстративным и наглым оскорблением его научного и гражданского достоинства. Зиновьев не мог такого снести: он встретился с группой западных журналистов и выразил протест по этому поводу. Его заявление было передано по западным радиостанциям, которые к этому времени советская интеллигенция охотно слушала. Уже одним этим действием Зиновьев ставил себя вне норм лояльного советского интеллектуала. Вскоре вслед за этим, а именно 26 августа, западные радиостанции объявили о выходе романа, которого он напряжённо ждал. Теперь всё: Рубикон был перейдён.

Дальше заработал отлаженный для врагов режима репрессивный механизм брежневской эпохи развитого социализма: коллеги осудили, стали сторониться; КГБ взяло под негласный надзор его жизнь; учёный совет института признал его не соответствующим должности и лишил работы; партийная организация исключила из партии; государственные органы лишили званий, наград (в том числе воинских); библиотекам предписали изъять его книги из открытых фондов; жэк снял льготу по квартирной плате, которая полагалась за научную степень; издательствам же и не надо

было запрещать печатать, а авторам — цитировать его труды (они догадались и без этого). Словом, с Зиновьевым обошлись по-зиновьевски — в соответствии с законами социальности. Его выключили из социума, из привычных коммунальных форм советской жизни, которые при всей удушающей атмосфере были для него, как и для всех советских людей, источниками существования и защиты, пусть и ограниченными. Оставался только личный круг: семья, личные друзья, некоторые диссиденты, отдельные простые люди. Показательная деталь для понимания личности Зиновьева: в “Исповеди отщепенца”, не персонифицируя общую массу коллег, которые проводили репрессии против него и даже требовали усилить их, он поименно называет тех, кто поддержал, навещал, помогал⁸. Сам же Зиновьев, оставаясь на избранном пути и приноравливаясь к изменившимся обстоятельствам, продолжал литературную работу. Он подготовил и издал в том же швейцарском издательстве роман “Светлое будущее”, в котором прямой критике подвергся лично Брежнев. Этот роман окончательно убедил эмоционально настроил власти, что остановить Зиновьева, вернуть в русло советской нормальности уже невозможно. Его поставили перед выбором: или тюрьма и ссылка с семьёй, или эмиграция. Так его вынудили покинуть Родину.

1978—1990: эмиграция (первая половина). В августе 1978 г. он с семьёй (женой и дочерью семи лет) прибыл в Федеративную Республику Германию по формальному приглашению Мюнхенского университета. А в сентябре того же года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР “О лишении гражданства СССР Зиновьева Александра Александровича...”. Как пишет Зиновьев и что подтверждается всей логикой его жизни, предшествовавшей этому событию и последовавшей за ним, он не хотел эмигрировать. Здесь было всё своё, родное: коммунальная среда, которая закалила его и выковала характер, социальный строй, анализ и критика которого стали делом его жизни, народ, которому он принадлежал по высшему из человеческих прав — праву рождения. Да, это была клетка, но его клетка, в которой он научился быть свободным. А чем обернётся для него свободный мир, не задохнётся ли он в этой свободе равнодушия?! Думаю, Зиновьев знал, что ему приклеят ярлык антисоветчика, диссидента, человека, который перешёл в лагерь противника. И именно этого он страшился в первую очередь.

Политика мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем была, по сути дела, соглашением двух блоков — НАТО

⁷ О том, как писалась книга, о ней самой и, в целом, о литературном творчестве Зиновьева см. [1, с. 98—131].

⁸ См. [1, с. 418—435], там же на странице 434, в частности, упоминается, что академик П.Л. Капица передал семье деньги, на которые та жила целый месяц.

во главе с США и Варшавского договора во главе с СССР — о правилах холодной войны. Соглашением о том, что она ведётся без традиционных военных столкновений и вооружённых территориальных захватов, а соблюдение этих условий обеспечивается поддержанием баланса ядерного оружия на уровне возможности гарантированного ответного смертельного удара. Все другие формы взаимодействия, включая и идеологические (конкуренция, борьба, взаимопроникновение, сдерживание, сотрудничество, шпионаж и т.п.), оставались легитимными в пределах международного права и национальных законодательств. Формат холодной войны допускал частные и персональные (родственные, профессиональные, туристические и др.) контакты, возможности которых постепенно расширялись и приобретали относительную самостоятельность и правовую защиту. В этом контексте в СССР возникали такие точки гражданской активности, прежде всего различные формы борьбы за права человека, которые получали поддержку в странах Запада и стали каналом их идеологического влияния на общественное сознание в нашей стране. Так, в частности, сложилась заметная общественная группа граждан, не согласных с официальной коммунистической идеологией и политикой государства и получивших название диссидентов, возникла неподцензурная литература (“самиздат”, “тамиздат”), получили популярность вещающие на страну зарубежные радиостанции. В ходе мирного сосуществования (холодной войны) противоположные социальные системы боролись между собой за доминирование (в перспективе — господство) в глобальном масштабе. Между ними происходили процессы взаимопроникновения, подобные диффузии твёрдых тел, а роль атомов и молекул в них исполняли отдельные индивиды и их маленькие группы. Диссидентская деятельность, в том числе практика издания неподцензурных русскоязычных произведений на Западе, которые потом нелегально ввозились в Советский Союз, была одной из форм проникновения капитализма в коммунистическую систему. Это был путь, проложенный ещё Герценом. В официальной идеологии и обыденном сознании он считался одним из признаков перехода во враждебный лагерь.

Зиновьев сразу по приезде обозначил свою позицию по этому поводу. На вопросы журналистов и собеседников, называвших его жертвой режима и интересовавшихся тем, как он ощущает себя в свободном мире, он отвечал, что не считает себя жертвой (его часто повторяемая формула: “режиму досталось от меня больше, чем мне от режима”) и что он всегда оставался свободным человеком. Он, блестящий знаток многозначной логики, не давал загнать себя в формальную ловушку идеологии холодной войны. Он не считал себя

А.А. Зиновьев. Автопортрет

коммунистом, но также не считал себя и антикоммунистом. Зиновьев многократно публично говорил, что не является диссидентом. Он считал себя исследователем и критиком советского коммунизма и вёл себя так, чтобы оставаться на этих позициях. Для него была совершенно неприемлемой позиция антисоветчика; кстати, именно так клеймили Зиновьева отрекавшиеся от него коллеги и друзья, оправдывая себя тем, что, мол, они знали о его критических настроениях, но не подозревали, что он стал антисоветчиком. Сохранить свою социальную идентичность и свободу неангажированного исследователя стало одной из первых и сознательных забот Зиновьева в эмиграции.

За границей первые два года Зиновьев работал профессором логики Мюнхенского университета, получая твёрдую зарплату, все последующие годы жил частной жизнью, занимаясь литературной и публицистической деятельностью, скромность доходов от которой приходилось компенсировать необычайно интенсивной работой. Быт его по западным стандартам был вполне скромным, а по его привычкам и запросам комфортным. Саму же эмиграцию он рассматривал как наказание, остракизм. Физически находясь на Западе, внутренне, ментально он жил жизнью советской страны. 21 год его пребывания на Западе можно разделить, как минимум, на два периода; второй из них начался с возвращения ему советского гражданства в 1990 г.

В первый период он продолжает и завершает свою аналитику советского социального строя. Создаёт ряд социологических романов и пове-

стей⁹, развивая круг идей и образов “Зияющих высот”. Одновременно собирает и систематизирует свои суждения о коммунистическом обществе, разбросанные в литературных произведениях, и издаёт их в традиционной форме научного эссе “Коммунизм как реальность” (1981)¹⁰. Зиновьев в эти годы также много ездит по миру с лекциями, даёт большое количество интервью, всюду разъясняя свою позицию и своё видение развернувшегося в мире противостояния.

Другой темой, которая занимает его наряду с социологией и даже в противовес социологии, становится мораль. Её он развивает в форме размышления над основным направлением своей собственной жизни, теми ценностями и правилами, которые он сам вырабатывает и культивирует, считая их правильными. Чужеродная социальная среда эмиграции усилила в нём потребность в саморефлексии. Она была ему свойственна всегда и присутствует во всех его литературных произведениях, но в концентрированном виде и в качестве основной задачи он реализует её в поэмах “Мой дом — моя чужбина” (1983), “Евангелие для Ивана” (1984), повестях “Иди на Голгофу” (1985), “Живи” (1988), а также в автобиографическом сочинении “Исповедь отщепенца” (1990). Все знают Зиновьева как философа, учёного-логика, социолога, писателя, поэта, художника. Но часто забывают, что он создал свою собственную этику, которую сам называл “учением о житии” и “зиновьёгой”¹¹. Его иногда не без основания называют также великим учителем, проповедником.

Основное направление своей жизни (учения о житии) Зиновьев выразил формулой “Я есть суверенное государство из одного человека”. Парадоксальная сущность этой формулы состоит в соединении двух начал человеческого существования (единичности и всеобщности, чувств и разума, индивидуальности и социальности, эгоизма и альтруизма), которые в рамках предшествующих антропологических учений, как правило, оставались разделёнными и противоречивыми. И не просто в соединении, а в конкретном характере, способе этого соединения, укоренённом в личности: единственности бытия каждого живого существа и его разумности как определяющего начала человеческой формы бытия. Раскрывая суть своей формулы в том виде, в каком он сам воплощал её, Зиновьев называл себя “со-

циальным индивидуалистом”. Уточняя конкретно-исторический характер своего социального индивидуализма, он называл себя утопическим коммунистом, который решился в своей индивидуальной жизнедеятельности воплотить тот высший гуманистический идеал, который в принципе не может быть воплощён в коллективном (общественном, государственном) опыте. В наиболее полной и самой доброжелательной биографии Зиновьева, написанной П.Е. Фокиным, своеобразие его личности связывается с тем, что он был крестьянский сын и мировидение его в своей глубинной основе было крестьянским: “Глубинную основу его личности составляло крестьянское мировидение. Мировидение конкретного, здравомыслящего человека, стоящего лицом к действительности. Её познающего и преобразующего. Противостоящего ей и принимающего её. В полноте и данности её” [15, с. 710]. Признавая, что в этой характеристике подмечено исключительно важное для Зиновьева как мыслителя и человека внимание к точке зрения здравого смысла, и даже не ставя под сомнение выступающее в качестве основного аргумента авторское утверждение, будто “Правда, справедливость — единственный Бог крестьянина” [15, с. 711], хочется тем не менее поставить под сомнение само стремление свести своеобразие личности Зиновьева к некой всеобщей основе. Принцип “Я есть суверенное государство”, если рассматривать его логическую форму, состоит в том, чтобы не подводить жизнь под общее определение, а строить её исходя из единственности данного индивида, развёртывающейся во всеобщее, в данном конкретном зиновьевском случае — в справедливость и правду не в крестьянском, а в идеально-коммунистическом изводе.

1990–1999: эмиграция (путь к возвращению).

Зиновьев рассматривал себя, своё творчество в неразрывной связанности с историей, со своим обществом, не с теми или иными лицами, событиями, а именно со временем, с эпохой: “Хочу в ушедшие года. / Пусть будет нестерпимо плохо. / Твоим я буду навсегда, / Меня родившая эпоха” [16, с. 360]. Свою принадлежность эпохе, а более конкретно, стране и народу, он не понимал как свою зависимость от каких бы то ни было представлений о них, кем бы (какими бы то ни было мыслителями или правителями) они ни были высказаны, какими бы авторитетами ни были подкреплены; он понимал её а) как неразрывность и б) как ответственность. Жизнь Зиновьева с его абсолютными амбициями никогда не была лёгкой, она стала настоящей трагедией тогда, когда он (одним из первых, если не первый) увидел, что его эпоха, страна и народ падают в пропасть. Что они влекут туда с собой и его, это было ясно ему априори. И он был готов гибнуть вместе с ними, запеть первым “Врагу не сдаётся наш гордый “Ва-

⁹ Здесь прежде всего следует назвать уже упомянутый роман “Жёлтый дом” (1980), повесть “Томо советикус” (1982) [11], полуавтобиографическую книгу “Сталин — нашей юности полёт” (1983) [12].

¹⁰ Книга “Коммунизм как реальность” [13] в 1982 г. была отмечена престижной премией Алексиса де Токвиля, которая вручается раз в два года за достижения в гуманизме и приверженность гражданским свободам.

¹¹ Более подробно об этике Зиновьева [14, с. 332–368].

ряг”...”. Проблема заключалась в другом: какова его ответственность за начавшееся “социотрясение” (термин социолога Б.А. Грушина) в его стране и как ему воспротивиться начавшемуся краху. Размышления об основном направлении жизни и итоговая их формула о личном суверенном государстве оказались к месту и ко времени. Он понял, что ошибся в своём предположении, согласно которому советский коммунизм пришёл в страну на века. Но это вовсе не отменяет его собственной позиции как идеального коммуниста. Он должен бороться — для него это означало трезво проанализировать и прямо сказать людям, что произошло.

В эти годы наряду с литературными произведениями “Смута” (1992), “Русский эксперимент” (1993) [17], “Глобальный человек” (1997) он печатает большую серию научных и научно-публицистических трудов: “Кризис коммунизма” (1991), “Гибель империи зла” (1994), “Запад. Феномен западнизма” (1995) [18], “Посткоммунистическая Россия” (1996), “Великий эволюционный перелом” (1999). Уже одни названия, которые у Зиновьева всегда оказываются говорящими, обозначают изменение тематической направленности и идейных акцентов его мыслей и практической позиции. Несколько моментов следует выделить особо.

Во-первых, осознав, что западный блок (НАТО во главе с США) видит в холодной войне именно войну, а себя — победителем, рассматривающим Россию не просто как другую социальную систему, а именно как поверженного врага со всеми для этого статуса последствиями, он решил пристальней присмотреться к Западу. Присмотреться и исследовать, что он собой сегодня представляет и какова мера опасности, которую он несёт России. Опираясь на свои уже накопившиеся к этому времени впечатления, но не ограничиваясь ими, поскольку это — впечатления эмигранта, человека со стороны, а также на большой массив исследовательской литературы, он приходит к выводу, что на Западе сложилась новая социальная система, которую он назвал западнизмом. Западнизм не следует отождествлять с самими западными странами, в которых он получил господство. Это — совершенно новое явление, которое надо рассматривать как сверхобщество, выходящее за национально-государственные рамки, хотя и не отменяющее их.

Во-вторых, западнизм прямо связан с глобализмом. Глобализм является объективным и вполне реальным социальным феноменом, возникающим в условиях новых экономических, технологических, информационных, идеологических и других возможностей. Вместе с тем он возникает на Западе, продвигается им и служит формой его господства в мире, подчинения себе

стран и обществ, вовлекаемых в процесс глобализации. Речь идёт о социальном переломе, который позволяет управлять будущим, для чего само будущее глобальное общество должно приобрести безлично-анонимный механический вид. Глобализм реализуется в форме западнизма.

В-третьих, западнизм возник вслед и в ответ на реальный коммунизм, от которого он очень много заимствовал (от планового хозяйства до так называемого тоталитаризма). Реальный коммунизм советского образца был первой формой сверхобщества и представлял собой другую (не-западнистскую) линию эволюционного развития. Столкновение этих двух сверхобществ на почве (в пространстве) глобального доминирования было неизбежным. Победа западнизма не была предопределённой, она обусловлена большим количеством факторов, среди которых критически важную роль играл фактор предательства, не просто личного криминального сотрудничества с врагом из-за личных выгод или даже идейных предпочтений (хотя, разумеется, и это имело значение), а прежде всего предательства исторического, социального, предательства дела лицами и институтами, которые были приставлены для того, чтобы оберегать его. В данном случае Зиновьев имел в виду партийно-государственное руководство, которое поставило под сомнение саму коммунистическую систему и исторический путь советского общества. Его поведение Зиновьев, этот мастер разящих аналогий, сравнивал с тем, как если бы вдруг Папа Римский вышел на площадь Святого Петра и сказал собравшимся католикам, что он и его предшественники обманывали их и на самом деле никакого Бога не существует. По крайней мере, считал Зиновьев, последний этап развала коммунистического лагеря и Советского государства был проведён Западом в режиме спецоперации.

Наконец, в-четвёртых, Зиновьев обозначил новый акцент в своём понимании и практическом отношении к реальному коммунизму. Этот акцент многие из ранее восхищавшихся его творчеством и личностью воспринимают как переход от критики коммунизма к его апологии. Так считают те, кто подходит к оценке Зиновьева чисто идеологически, кто не хочет или не умеет понять точность его рассуждений и изощрённую противоречивость самой социальной организации общества и хода исторического процесса. На самом деле, изменилась не его позиция, а позиция, в которой оказался реальный коммунизм: Зиновьев действовал так же, как действуют дети, исходящие из правила, что лежачего не бьют.

Здесь нет возможности рассмотреть этот вопрос во всех нюансах. Но несколько вещей следует сказать: а) критиковать советский коммунизм — не значит быть против него и желать уничтожить;

б) критиковать Запад и западнизм — не значит считать их плохими, напротив, они исключительно и благодаря своей исключительности достигли уровня, претендующего на то, чтобы господствовать в мире; в) защищать поверженный советский коммунизм — не значит стать его сторонником, для этого достаточно осознавать, что речь идёт о моей стране и моём народе, которые достигли своего наивысшего расцвета именно при этом строе, каким бы плохим он ни был; г) считать победу западнизма в мире катастрофой для всего человечества — не значит думать, будто победа советского коммунизма и его распространение на весь мир были бы лучше. Катастрофой для человечества стало поражение другой эволюционной линии, сама возникшая опасность безальтернативности общественного развития. Можно не соглашаться с этими выводами, но утверждать, что Зиновьев раньше говорил одно, а позднее противоположное — значит, мерить его чужим аршином.

После возвращения советского гражданства Зиновьев с головой погрузился в российские дела. Оставаясь в Мюнхене, он часто стал приезжать в Москву, доводить до читателей свои старые труды и печатать новые, ибо теперь его учение, направленное на критический анализ западнизма, на Западе было уже нежелательно, он установил контакты с силами, оппозиционными режиму Ельцина, сам оставаясь независимым исследователем, активно включился в публицистическую деятельность, которая имела заметный резонанс и влияла на общественное сознание¹². Он восстановил также свои академические связи, в том числе в философской среде¹³, пользуясь пушкинской формулой “не помня зла, за благо воздадим”. Бывшие фронтовики, в том числе Зиновьев, рассказывают, что в безнадежных ситуациях, подобных тем, которые сложились в на-

чальный период Отечественной войны, нередко спасительными оказывались отчаянные действия, казалось бы, обрекавшие на верную смерть. Именно таким отчаянным бойцом, судя по его поведению, чувствовал себя Зиновьев в этот период.

Поворот, смена его мировоззренческих акцентов начались ещё до Перестройки. В 1984 г., когда Горбачёв в качестве самого молодого члена политбюро посетил Великобританию, явившись Западу, словно невеста на смотрины, Зиновьев обратил внимание на то, что тот, вопреки давно установившейся для коммунистических лидеров традиции, не посетил могилу Карла Маркса. Своим социологическим чутьём он маркировал этот факт как знак начавшейся эпохи предательства. Когда же началась Перестройка, вызвавшая восторг в стране и мире как начало новой эры едва ли не всеобщего братства, нового мышления, и люди в СССР ходили со значками, на которых красовались сплетённые в узел флаги СССР и США, Зиновьев сказал, как отрезал: это — не перестройка, это — катастрофа. И нужно было обладать такой силой ума и ещё больше таким мужеством, какими обладал Зиновьев, чтобы сделать столь горький научный прогноз. Одного этого предсказания было бы достаточно, чтобы убедиться в истинности и честности учения о реальном коммунизме, а его автора признать настоящим социологическим гуру. Не знаю, что думали и какие страхи преодолевали люди на Западе, когда они кричали: “Горби, Горби!”, но мы, социально равнодушные люди, мы все были ослеплены обманчивыми надеждами: одни думали, что идём к подлинному социализму с человеческим лицом, другие, что возвращаемся на магистральную линию развития, с которой сбились то ли при Сталине, то ли ещё в 1917 г. Зиновьев же был предельно трезв и ясен в своих суждениях: да, коммунистическая система столкнулась с первым серьёзным кризисом в своей истории, и его, этот кризис, надо преодолевать своими собственными средствами, на основе тех сил и возможностей, которые заложены в самой системе, а не пересматривать её в желании улучшить. И для ясности приводил аналогию: если вы перестраиваете сарай, то из тех же материалов и теми же силами вы не можете построить ничего иного, чем такой же сарай, но ещё хуже.

К сожалению, всё произошло так, как предсказал Зиновьев. Новый “сарай” оказался хуже: рухнула не только социальная система реального коммунизма, развалилось само государство, которое она держала. Уже не было ничего зиновьевского, ни той эпохи, ни того государства, исследование и критика которых составляли смысл его жизни. Но оставались ещё его страна и народ, брошенные и униженные. И Зиновьев решил вернуться.

¹² Однажды во время наших непредсказуемых прогулок по Москве наш общий друг В.И. Толстых повёл нас к своему соседу известному композитору Т.Н. Хренникову, которого Зиновьев раньше не знал. Хренников, увидев Зиновьева и узнав, что это — он, обнял его как родного человека, и они стояли несколько минут молча, уткнувшись лбами друг в друга, и Хренников стал благодарить Зиновьева за его деятельность, в особенности за вышедшую незадолго перед этим программную статью в газете “Советская Россия”.

¹³ Особо следует отметить празднование его юбилея, устроенное в родном Институте философии. Вот как его описывает П.Е. Фокин: “На другой день состоялось его своеобразное примирение с Институтом философии. По инициативе заместителя директора института А.А. Гусейнова, с которым он познакомился в Германии ещё в 1992 г. и которого как-то сразу полюбил, и В.И. Толстых состоялось его чествование в зале учёного совета. Это было символично. Когда-то именно в этом зале решалась его участь советского философа. Но прошлое он всегда оставлял в прошлом. Встреча была живой и неформальной. Он не держал ни на кого зла в душе. Благодарил за внимание. Готов был общаться со всеми, кто этого хотел” [15, с. 644].

1999–2006: последний бой. 30 июня 1999 г. Зиновьев вместе с семьей вернулся домой. И сразу же в Шереметьеве, где, хотя и не было государственной встречи, но тем не менее его приветствовало некоторое количество близких людей, знавших о его прилёте, были журналисты, состоялась импровизированная пресс-конференция. Он отвечал на вопросы, которые сразу же показывали, что сам факт его приезда стал политическим событием. Его спрашивали, действительно ли он приехал насовсем и с какой целью, понимает ли он, что для официальной власти он не ко двору. Он отвечал, как всегда, чётко и точно: приехал, чтобы в трудный период быть со своим народом, а не отсиживаться в стороне, приехал насовсем и не для того, чтобы умереть на родной земле, а для того чтобы бороться за неё, приехал не к официальной власти, а в Москву, в Россию.

По приезде он получил должность профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, стал сотрудничать с Литературным институтом им. А.М. Горького, Московским гуманитарным университетом, Институтом социально-политических исследований РАН и Институтом философии РАН как реальный работник; включился в интенсивную публицистическую деятельность (отдельные лекции, лектории, интервью, передачи), встречался с партийными лидерами (Г.А. Зюгановым, С.Н. Бабуриным и др.) и активистами оппозиционных партий, принимал участие в работе общественных интеллектуальных центров, выступал на больших и малых форумах (в частности, на философском конгрессе) и др. И, разумеется, продолжилась непрерывная интеллектуальная работа, связанная с изданием своих трудов, а самое главное, с развитием своего учения, в частности, созданием итогового обобщающего всё его творчество и его мировоззрение капитального труда “Фактор понижения” (2006) [19], который он завершил уже находясь во власти смертельной болезни. Все последние шесть лет он вёл необычайно активную и деятельную жизнь, словно желая компенсировать годы эмиграции. Активной и деятельной его жизнь была всегда, но период после возвращения оказался, видимо, одним из самых интенсивных, прошёл на пределе человеческих возможностей. Он жил, что называется, на износ. Эти годы, хотя их полное и точное описание и анализ остаются ещё делом будущего, уже при общем взгляде позволяют увидеть исключительность личности Зиновьева, самую суть того, что он называл своим “социальным индивидуализмом”. Отмечу только несколько необычных моментов.

Зиновьев откликался на все запросы выступить, встретиться, ответить на вопросы и т.д. независимо от того, от кого они исходили. Он был в этом отношении, как сказали бы многие, неразборчив. На самом деле это была сознательная позиция, чтобы добраться до своей аудитории, до

тех, кто ищет истину, правду. Он строил непосредственные личные отношения (встречи, контакты, беседы и т.п.) с людьми, независимо от их социального статуса и функции (возглавил комитет в защиту Слободана Милошевича, когда тот оказался в Гаагском суде, послал приветствие отставному Пиночету, с которым, воспользовавшись его пребыванием за границей, обошлись в нарушение офицерской чести), писал статьи и в газету “Завтра”, и на радио “Свобода”. Он всегда был прям, искренен и простодушен, не тяготился своей известностью и не торговал ею. Исходил из убеждения, согласно которому он отвечает только за то, что говорит и пишет сам. И кроме того, считал, что каждый раз обращается не только лично к тому, кто спрашивает, к своим сторонникам, к аудитории того издания, которое публикует его статью, а одновременно и прежде всего ко всем думающим людям, имеющим голову и совесть, ко всему обществу и своему народу.

В огромном количестве разнообразных публичных зиновьевских текстов последних шести лет, как, впрочем, и в более ранних, нет повторений в обычном смысле слова, их и не может быть, так как они большей частью были устными импровизациями, создавались сразу, набело применительно к тем человеческим и прочим обстоятельствам, в которых возникали. Но в них есть своя внутренняя цельность, сквозь них тянется одна и та же смысловая нить. Зиновьева интересует только одно: каковы социальная природа установившегося в России общества и перспектива его страны и народа в новом раскладе мировых сил и тенденций, а также какие выводы из этого следуют для людей, которые, подобно ему, не мыслят себя без своей страны и своего народа. Собственно, все размышления и практические действия Зиновьева, которые в его случае суть одно и то же, были сосредоточены вокруг этих вопросов. Его ответы, точнее поиски ответов на эти вопросы, сводились к следующим основным положениям.

Сложившееся в России общество он называл постсоветским. Оно является гибридным и сколочено из трёх частей: быстро завезённой западной демократии, не действительной демократии, которой уже и на Западе нет, а её идеологического суррогата; остатков советской системы; вновь ренимируемых имперских элементов. Получившее на первом (ельцинском) этапе господство западного влияния придало обществу характер колониальной демократии. Но этому, каждый на свой манер и во многом противореча друг другу, сопротивляются два других элемента, советский и имперский.

“Метили в коммунизм, попали в Россию”, с горечью отмечал Зиновьев. И попали не случайно. Одним из важных факторов победы комму-

низма в России было то, что этому способствовало само качество человеческого материала в лице русского народа (его коллективная психология, терпеливость, исторически сложившиеся привычки, формы поведения, необычайная талантливость и плохая организованность и т.п.). Поэтому, если даже изначально и не ставилось такой цели, последовательная борьба против коммунизма должна была привести к тому, чтобы лишить русский народ своих исторических амбиций, выбить из глобальной игры. Этот путь от антикоммунизма к русофобии оказался для Запада тем более естественным, что именно при коммунистическом режиме Россия достигла пика своего развития и поднялась до уровня сверхдержавы.

Зиновьев не только анализирует складывающуюся в стране социальную систему, но одновременно выражает свою гражданскую и жизненную позицию, формулируя которую он часто упоминает слова: бороться, сопротивляться, бунтовать. Он подтверждает свою идентичность как русского идеального коммуниста и русского человека, которые в сложившихся обстоятельствах сливаются для него воедино. В условиях очевидного цивилизационного ослабления России основным оружием борьбы для него становится понимание. В ситуации всеобщего вселенского оглушения нужно, как он выражается, “переумнить” Запад. Он не устаёт повторять, что речь идёт о борьбе с западнизмом, но не о вражде с Западной Европой. Он даже допускал, что силы, противостоящие западнизму, созреют скорее всего именно на Западе. В своих последних размышлениях он говорит: “Для моего поколения свет разума приходил именно из Западной Европы и лишь постольку и в той мере, в какой мере он шёл благодаря влиянию западноевропейской цивилизации на Россию. Дефекты Запада мне были всегда видны и известны. Но для меня Западная Европа (Запад в строгом смысле слова!) не сводились к капитализму, к частной собственности, к рынку, к наживе. Это было нечто более обширное и ёмкое, более значительное... Но складывается такое впечатление, что западноевропейская цивилизация почти без боя сдаёт все величайшие завоевания своей цивилизации, подобно тому, как русские позорнейшим образом без единого выстрела сдали все высшие завоевания своей истории” [15, с. 717].

Его итоговая книга “Фактор понимания” заканчивается разделом, посвящённым будущему [19, с. 452–521]. И о будущем была последняя его мысль, согласно которой безнадежный социальный пессимизм может разрешиться только новым

Ренессансом: “Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня — с создания нового человека. Человека цивилизованного, человека идеалистического, человека утопического, человека наивного, человека непрактичного, неэгоистичного, нерасчётливого” [15, с. 721] — такого, который скроен по меркам социального индивидуализма Александра Александровича Зиновьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005.
2. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М.: Путь, 2001.
3. *Гусейнов А.А.* Философия шестидесятников как общественное явление // Гусейнов А.А. Этика и культура. СПб.: СПбГУП, 2020.
4. *Кантор К.* Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-традиция, 2008.
5. *Зиновьев А.А.* Жёлтый дом. L'AGE D'HOMME, 1980.
6. *Зиновьев А.А.* Очерки комплексной логики. М.: Едиториал УРСС, 2000.
7. *Ивин А.А.* Комплексная логика А.А. Зиновьева // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002.
8. *Вессель Х.* Логические исследования Александра Зиновьева // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002.
9. *Зиновьева О.М.* Александр Зиновьев: творческий экстаз // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002.
10. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. Кн. 1, 2. М.: Независимое изд-во ПИК, 1990.
11. *Зиновьев А.А.* Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000.
12. *Зиновьев А.А.* Сталин — нашей юности полёт. М.: Алгоритм, 2002.
13. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Алгоритм, 2021.
14. *Гусейнов А.А.* А.А. Зиновьев: “Я есть суверенное государство” // Гусейнов А.А. Великие моралисты. От Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009.
15. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая Гвардия, 2016.
16. *Зиновьев А.А.* Я, ребята, не поэт // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002.
17. *Зиновьев А.А.* Русский эксперимент. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995.
18. *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
19. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.